

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ: ОСОБЕННОСТИ ТЕКУЩЕГО ПЕРИОДА

Михаил Мясникович,
Председатель Коллегии
Евразийской экономической
комиссии, доктор
экономических наук,
профессор,
член-корреспондент
НАН Беларуси

Темп роста ВВП Евразийского экономического союза в 2021 г. составил 104,6%. Все страны ЕАЭС вышли на положительную динамику. Согласно данным доклада Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН «Мировое экономическое положение и перспективы, 2022», по итогам прошлого года рост мировой экономики составил 5,5%, в то время как в Китае, США и Европейском союзе он значительно замедлился.

Свой вклад в экономическое развитие внесли эффект низкой базы, активизация торговли, инвестиций и потребительского спроса. Мир вышел из глубокого кризиса, экономика восстанавливается, но этот процесс неравномерен. Выиграли страны, где велика роль топливно-энергетического комплекса, экспорта металлов и тех видов продовольствия, для которых рынок был более-менее открыт.

Евразийская интеграция сыграла при этом весьма положительную роль. В 2021 г. объемы взаимной и внешней торговли ЕАЭС достигли исторического максимума. Наибольший вклад в экспорт на внешние рынки внесли Беларусь (рост на 47,8%) и Россия (рост на 47%). По Беларуси дефицит внешней торговли в объеме 952,5 млн долл. в 2020 г. сменился профицитом в сумме 4497,4 млн долл. в 2021-м.

В прошлом году активно шло восстановление взаимной торговли в ЕАЭС. Например, в Беларуси ее объем достиг 17,5 млрд долл. и увеличился на 24,7%. В январе 2022 г. – на 22,8%. Представленные тенденции позволили стране существенно нарастить валютную выручку, что способствовало поддержанию золотовалютных резервов (+12,8% за 2021 г.) и стабильности обменного курса национальной денежной единицы.

Как прогнозируют эксперты, рост санкционного давления повлияет как на внешнюю торговлю, так и на взаимную. В этих условиях особую значимость приобретает развитие кооперационных поставок. В рамках ЕАЭС за 2021 г. они составили 27,8 млрд долл. и увеличились на 31,6%. Наибольшая доля рынка приходилась на Россию (64,1%), 23,4% – на Беларусь, 11,4% – на Казахстан.

В то же время эти успехи не обеспечивают стабильное развитие национальных экономик государств – членов ЕАЭС на краткосрочный / среднесрочный период, поскольку генерируемых базовой экономикой выгод недостаточно. Дозагрузка свободных производственных мощностей (сегодня они используются в пределах 60%), налоговое и льготное кредитное стимулирование предпринимательской активности не дадут те 5,5% ежегодного роста ВВП

ЕАЭС, на которые ориентирован прогноз развития, предусмотренный Стратегическими направлениями развития евразийской интеграции до 2025 г. (Стратегия), принятой Высшим Евразийским экономическим советом в декабре 2020 г.

Полагаю, что нужен принципиально новый сценарий реализации интеграционного проекта. Договор о ЕАЭС 2014 г. по своей сути является торговым и не решает эту задачу в полном объеме.

Выход видится в создании единой Евразийской программы развития и импортозамещения. Важно, двигаясь в этом направлении, уйти от ложных заявлений об ущемлении национальных интересов в случае организации евразийских промышленных кластеров и специальных экономических зон. Пока этого не происходит, несмотря на инициативы Евразийской экономической комиссии (ЕЭК). Органы государственного управления и хозяйствующие субъекты государств – членов ЕАЭС воздерживаются брать на себя риски, связанные с этим направлением интеграции, и ответственность в условиях отсутствия документально оформленной конкретной постановки задач правительствами стран ЕАЭС по данному вопросу. Вместе с тем главы государств – членов объединения постоянно указывают на необходимость углубления промкооперации, импортозамещения, создания новых товаров, совершенствования логистики. Таким образом, имеет место реальный разрыв между политической волей лидеров государств и фактическим состоянием дел.

Выгоды от инвестиционной деятельности налицо. В ЕАЭС нет недостатка ни в трудовых, ни в сырьевых, ни в интеллектуальных ресурсах. По оценке ЕЭК, более четверти (27,4%) ввозимых на территорию Союза промышленных товаров, а это около 70 млрд долл. в год, может быть замещено продукцией национальных производителей. Геополитическая ситуация, надо полагать, подтолкнет ЕАЭС к принятию прогрессивных решений. Академик РАН Глазьев С.Ю. отмечает: «... мы существенно отстали. <...> мы пропустили предыдущую технологическую революцию, которая была связана с компьютеризацией, с автоматизацией, с бурным ростом информационно-коммуникационных технологий. Мы выступали как потребители, не создали свою технологическую базу. Мы импортировали большое количество современных товаров, которые сформировали современный тип потребления и позволили нашим корпорациям

освоить передовые информационные технологии, но у нас не было инвестиций в производство технологической базы, устаревающей сегодня» [1].

Сдерживающим фактором экономического развития Беларуси в 2021 г. были именно низкие инвестиции. В основной капитал они сократились на 5,6%, в первую очередь за счет уменьшения бюджетного финансирования (на 15%) и банковского кредитования (на 13%). В то же время по ЕАЭС темп роста объема инвестиций в основной капитал за 2021 г. составил 106,8%. Их снижение отмечалось только в Беларуси и Кыргызстане. Несмотря на то что Беларусь больше других стран объединения вкладывает в развитие обрабатывающей промышленности (21% против 15% от общей суммы инвестиций в целом по ЕАЭС), именно в этом секторе экономики наблюдалось двузначное сокращение инвестирования (-17%). В январе – феврале 2022 г. сжатие финансирования экономики Беларуси продолжилось (темп по инвестициям в основной капитал составил 95,9%). Кроме того, высока вероятность, что санкционные ограничения приведут к потере части инвестиционного импорта, доля которого в общем объеме приобретаемых машин и оборудования превышает 50%. Это, в свою очередь, может затормозить процессы технического перевооружения и обновления производственных мощностей.

Весьма актуальны структурные преобразования, направленные на активизацию инвестиционного взаимодействия государств – членов ЕАЭС, включая создание совместных компаний и производств в условиях ограниченности финансовых ресурсов, численность которых, особенно крупных и в сфере материального производства, недостаточна. Количество совместных и иностранных предприятий в Беларуси с капиталом из стран ЕАЭС в уставных фондах не только не растет, а сократилось за последние 5 лет на 240 единиц: с 2661 на 1 января 2016 г. до 2421 на 1 января 2021 г. Отсюда и небольшой удельный вес взаимных инвестиций в инвестиционных потоках. К примеру, в Беларуси он не превышал в 2019–2021 гг. 0,5 млрд долл. Это около 36% от общего объема поступивших в страну прямых инвестиций. Такой бэкграунд для Беларуси неприемлем. Выход видится в системном улучшении инвестиционного климата.

Для того чтобы сделать инвестиционный рынок, необходимо стратегическое планирование. Без этого ресурсы не сконцентрируешь: ни собственные,

ни кредитные, ни иностранные. Если мы не планируем сами, значит, за нас планируют другие, извлекая при этом, конечно, выгоду для себя. Будет неверно утверждать, что тема стратегии развития замалчивается. Это не так! Цели ставятся верные, приоритеты научно-технического прогресса в основных правительственных документах прописаны правильные, но как их реализовать, как их внедрить – прямых ответов нет из-за отсутствия законодательно оформленного экономического целеполагания и системы концентрации больших объемов инвестиций. Призывами и декларациями здесь не обойтись. Нужен программный документ, на базе которого следует организовать исполнение и контроль.

Экономикам государств – членов ЕАЭС нужны кредиты и госкапвложения, благодаря которым представится возможным сложные производства собрать вместе, организовать кооперацию, связь между наукой и реальным сектором экономики и таким образом создать основу нового технологического уклада. Эта задача актуальна не только для входящих в ЕАЭС стран. Евразийская экономическая комиссия могла бы взять на себя практическую реализацию данной задачи, получить соответствующие полномочия и доверие государств – членов ЕАЭС к проводимой союзной экономической политике. Не в ущерб торговле и национальным интересам, конечно.

Потребуется реформирование деятельности банковской системы. Банки должны наращивать долю инвестиционных кредитов в собственных активах. Классическая функция банков – трансформация сбережений в инвестиции – может быть приоритетной в развитии экономики.

Эти и ряд других подходов реформирования автор излагал в своих научных трудах [2]. Глубокие разработки инновационно-инвестиционных проблем осуществляет блок академика С.Ю. Глазьева в Евразийской экономической комиссии.

Недружественное поведение стран Европейского союза, США, Великобритании и ряда других создают предпосылки необходимости ускоренного решения изложенных задач. Существующая импортозависимость в санкционных условиях весьма чувствительна. По информации Минпромторга Российской Федерации и оценкам экспертов, в экономике России доля импорта составляет:

- в промышленном станкостроении – более 60%;
- в электронной промышленности, микроэлектронике, электронной компонентной базе – 80–90%;
- в медицинской промышленности – около 70%;
- в фармацевтической отрасли – около 50%.

Аналогичная картина характерна и для всего ЕАЭС. В некоторой степени Беларусь имеет преимущества по сравнению с коллегами по Союзу, поскольку в нулевые и десятые годы XXI в. были созданы конкурентоспособная молоко- и мясоперерабатывающая промышленность, современная и мощная деревообработка, построены и модернизированы крупные машиностроительные предприятия, серьезно повысили в результате реконструкции и внедрения новых технологий свою эффективность нефтеперерабатывающие и нефтехимические заводы. Ряд отраслей при этом имеют высокий уровень производственной и технологической независимости, так как работают в Беларуси по полному технологическому циклу: от собственного сырья до готовой продукции и каналов ее реализации.

Обрабатывающая промышленность – основа и стабильность экономики, ее удельный вес, как утверждают ученые, должен быть не менее 25% ВВП. В Беларуси он самый высокий из государств – членов ЕАЭС (22,9%). В остальных странах этот показатель находится на одном уровне (Армения – 11,3%, Казахстан – 13,3%, Кыргызстан – 13,5%, Россия – 14,4%). Наряду с преимуществами обрабатывающая промышленность имеет и риски, поскольку требуются огромные инвестиции на ее постоянную модернизацию и обновление производимой продукции. Китай, например, инвестиции в основной капитал на протяжении ряда лет держит в пределах 35–40% к ВВП, благодаря чему обладает высоким уровнем конкурентоспособности на мировых рынках.

Устойчивое развитие страны, интеграционного объединения не может ограничиваться экономическими инструментами, требуется совершенствование стиля и методов работы кадров всех уровней и повышение их ответственности за результат.

Считаю, что ЕАЭС нужны дополнительно к имеющимся новые институциональные основы, чтобы расширять узкие места интеграции и совершенствовать методы хозяйствования. Национальные и евразийские институты развития в Союзе должны пересмотреть свои мандаты функционирования, в основе которых могло бы быть не только получение собственной и сиюминутной выгоды и прибыли, но и достижение долгосрочных целей социально-экономического развития объединения.

Добиться более высоких интеграционных результатов не позволяет также существующая нормативная правовая база ЕАЭС. По своей сути он задумывался как наднациональное интеграционное объеди-

нение, но в ст. 1 Договора о ЕАЭС его назвали международной организацией, в которой, согласно статусу, принципиальные решения принимаются на основе консенсуса сторон. В то время как в интеграционном объединении с наднациональными полномочиями они, как правило, принимаются квалифицированным или простым большинством для достижения заданных целей. Это первый и самый серьезный организационно-правовой недостаток – «мягкая» форма принятия управленческих решений. Второе. В ЕАЭС нет бюджета (доходной части), под таковым подразумевают смету расходов. В ЕЭК мы считаем, что за счет небольшого процента от собираемых ввозимых таможенных пошлин, например, всего лишь в 0,5–1% от их совокупного объема (13,5 млрд долл. в 2021 г.) можно было бы сформировать такой бюджет в 70–130 млн долл. и направить его на поддержку инвестиционной деятельности трансевразийских проектов. Речь идет не о повышении роли ЕЭК, чего опасаются работники некоторых уполномоченных органов государств – членов ЕАЭС, а о содействии реальной промышленной интеграции. Управлять этими ресурсами, конечно, следует посредством коллегиального органа, созданного странами Союза. Данные инициативы ЕЭК неоднократно направляла в правительства государств – членов ЕАЭС. Определенное понимание есть, но превалирует осторожность. Поэтому пока требуемых решений нет.

Когда в 2014 г. проект Договора о ЕАЭС готовился к подписанию, на его недостатки указывал Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко. Серьезные проблемы были сформулированы Советом Министров Республики Беларусь. Их можно проанализировать с позиции сегодняшнего дня и убедиться в состоятельности многих. Победила концепция, подразумевавшая подписание подготовленного проекта Договора о ЕАЭС в 2014 г. с последующим внесением в него актуальных дополнений и изменений. В основном уточняющего характера, но не закрепления долгосрочных планов. Стратегия-2025, принятая главами государств – членов ЕАЭС в декабре 2020 г., несколько расширяет рамки Договора 2014 г., но не содержит ясно сформулированную долгосрочную, на 20–30 лет вперед, перспективу ЕАЭС. Особенно негативно такое состояние права Союза влияет на инвестиционную деятельность, которая уже по определению является долгосрочной. Поэтому страны избегают принимать решения «в долгую».

Наиболее остро стоит вопрос о функционировании институтов развития. О некоторых подходах ска-

зано выше. В феврале 2022 г. Председателем Коллегии ЕЭК было инициировано совещание с участием Минфинов государств – членов ЕАЭС. Результаты, в принципе, скромные, но обнадеживающие. Конструктивные предложения внесены ведомствами Российской Федерации и Республики Беларусь, они прорабатываются в настоящее время в заинтересованных инстанциях. Минфин России справедливо считает, что до формирования бюджета ЕЭК на инвестиционные цели надо в полном объеме использовать инструменты финансирования кооперационных проектов в частном секторе ЕАЭС за счет возможностей Евразийского банка развития (ЕАБР). При этом подчеркивается, что извлечение прибыли в соответствии с Соглашением об учреждении не является целью Банка как института развития. Кроме того, указывается, что ЕАБР имеет необходимые ресурсы, профессиональную команду сотрудников, инструменты подготовки проектов и субсидирования ставок для заемщиков таких проектов. Одним из таких механизмов является Фонд технического содействия ЕАБРа. Его средства, по мнению Минфина России, могут быть также задействованы для оказания поддержки потенциальным заемщикам. Минфин России как основной акционер Банка принципиально согласен с тем, что механизмы финансирования кооперационных проектов могут быть «донастроены», но только в случае наличия конкретных запросов на реализацию проектов от реального сектора.

Поэтому напрашивается вывод: для того чтобы более активно двинуть реальный сектор экономики по пути инвестиционного развития, основанного на инновационных технологиях пятого и шестого технологических укладов, необходимо задействовать административный ресурс, а ЕЭК готовить более убедительные расчеты, приводить соответствующие аргументы. Вместе с тем инициаторами такого движения должны быть хозяйствующие субъекты, бизнес, а государство и интеграционные структуры обязаны оказывать им соответствующее содействие, формировать условия и создавать мотивационные механизмы, чтобы проекты были успешными. ■

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. С.Ю. Глазьев. Стратегическое планирование и технологии роста // Вольная экономика. 2022. №21. С. 33–36.
2. Мясникович М.В. Практические вопросы евразийской экономической интеграции. – Минск, 2021.